

**ВЕЛИКИЙ
ПРАВЕДНЫЙ СТАРЕЦ
СТРАСТОТЕРПЕЦ ГРИГОРИЙ**
Григорий Ефимович Распутин-Новый

Ю.Ю. Рассулин — *авторский текст, составление, редакция*

Русская Хоругвь:

<http://rxpress.spb.ru>

info@rxpress.spb.ru

© Copyright: [Юрий Рассулин](#), 2020

Свидетельство о публикации №221013100059

Глава 10
Месть врага рода человеческого

12. С. П. Белецкий и его деятельность против Распутина

Одним из крупных полицейских чинов, кто организовывал и контролировал слежку за Г. Е. Распутиным-Новым, кто осуществлял обработку поступавшей информации о Распутине, являлся Степан Петрович Белецкий. Поскольку его вклад в создание неприглядного, грязного психологического и духовного портрета Григория Распутина весьма обширен, необходимо более внимательно рассмотреть его деятельность на ответственных государственных постах, поставив перед собой целью разобраться в том, насколько то историческое описание внутреннего облика Григория Распутина, которое Белецкий оставил потомкам в виде опубликованных воспоминаний (исходно: письменных показаний), соответствует истине. За более подробными биографическими сведениями о С. П. Белецком обратимся к З. И. Перегудовой — автору книги «Политический сыск в России (1880-1917)», сотруднице ЦГАОР (Архив Октябрьской революции). [232]

Её же перу принадлежит статья (короткий очерк) «Белецкий Степан Петрович» на сайте «Фонд изучения наследия П. А. Столыпина». Приведем цитату из этой статьи, где

подробно изложен послужной путь Белецкого, а также отмечены некоторые деловые качества Степана Петровича, которые помогают понять побудительные мотивы действий Белецкого в отношении Распутина.

«Белецкий Степан Петрович. (25 января 1871/72 [г. Конотоп] Черниговской губ. – 5 сентября 1918 Москва), из мещан (по другим сведениям из дворян) Черниговской губ., окончил курс Нежинской гимназии, юридический факультет Киевского университета с дипломом 1 степени. В 1894 г. начал службу в государственных учреждениях. С 14 августа 1894 г. согласно прошению зачислен в штат канцелярии Киевского, Подольского, Волынского генерал-губернатора (первоначально без жалованья). Белецкий был назначен младшим помощником делопроизводителя канцелярии. С декабря 1897 г. ст. помощником делопроизводителя. Прослужил в Киеве почти шесть лет. Одновременно на него были возложено временное исполнение обязанностей инспектора по надзору за типографиями, литографиями, учреждениями книжной торговли в г. Киеве. В 900-х годах был назначен правителем канцелярии Ковенского губернатора, одновременно исполнял должности правителя дел Ковенской губернской комиссии народного продовольствия, делопроизводителя Ковенского губернского попечительства о народной трезвости, работал в учреждениях попечительства детских приютов, общества дома трудолюбия, в Окружном правлении Российского императорского общества Спасения на водах, делопроизводителем Ковенского дамского комитета Красного креста. Ковенским губернатором был назначен редактором местного юридического органа «Прибавление». Все эти назначения, исполнение многих поручений на общественных началах были вызваны тем, что с самого начала службы Белецкого, было отмечено его необыкновенное усердие, четкость и аккуратность в оформлении документов, феноменальная работоспособность. Решающим моментом в последующей карьере Белецкого сыграло его знакомство с П.А. Столыпиным, их совместная работа в Комиссии народного образования и в попечительстве о народной трезвости в Ковно, где Столыпин занимал должность уездного и губернского предводителя дворянства. Столыпиным была замечена и отмечена активная и энергичная работа Белецкого. Хорошо зарекомендовал себя Б. в командировке в Пензенской и Симбирской губ., куда был послан для оказания продовольственной помощи пострадавшему от недорода населению. В 1907 г. Белецкий в течение нескольких месяцев исполнял должность Ковенского губернатора, затем был назначен Самарским вице-губернатором (февр. 1907 – июль 1909)». [233]

С 31 июля 1909 г. по приглашению П. А. Столыпина С. П. Белецкий занял пост вице-директора Департамента полиции. С февраля 1912 г. назначен директором Департамента полиции. В этой должности прослужил около двух лет до января 1914 г., из них один год под началом В. Ф. Джунковского, который с января 1913 г. стал товарищем министра внутренних дел. Не сошедшись во взглядах с Джунковским, Белецкий вынужден был покинуть Департамент полиции. С января 1914 г. служил сенатором Первого Департамента Правительствующего Сената. После отставки Джунковского в сентябре 1915 г., С. П. Белецкий занял место своего бывшего шефа, т. е. был назначен тов. министра внутренних дел при исполняющем обязанности министра внутренних дел А. Н. Хвостове. После отстранения от должности товарища министра вн. дел в феврале 1916 г. назначен Иркутским генерал-губернатором, оставаясь в звании сенатора, но от губернаторства отказался.

Выделим два существенных момента в очерке Перегудовой, которые помогают лучше понять внутренний мир и некоторые приоритеты внешней деятельности С. П. Белецкого. Это, во-первых, его «феноменальная работоспособность», во-вторых, «знакомство» и «совместная работа» с П. А. Столыпиным. Свои деловые качества со временем были трансформированы в русле политического сыска, чему немало способствовало тесное сотрудничество на этом поприще со Столыпиным.

Перегудова, ссылаясь на сына Белецкого, В. С. Белецкого, и его внуку, В. В. Белецкую, подчёркивает, что «отношения со Столыпиным и его семьёй были достаточно близкие», — и что Столыпин был для Белецкого «образцом человека, государственного деятеля и патриота России, его кумиром». Он им восхищался, разделял его убеждения. Гибель Столыпина для Белецкого и его семьи была личным горем». [234]

Таким образом, П. А. Столыпин являлся для Белецкого не только большим авторитетом, как талантливый, самостоятельно мыслящий чиновник государственного масштаба, но и личностью, примером для подражания и в службе, и в жизни. Именно при П. А. Столыпине сложилась позиция С. П. Белецкого в отношении Распутина. При Столыпине были сформированы определённые психологические клише, установки, которые не были изменены в дальнейшем, но, напротив, послужили лекалом для анализа поступающей информации о старце Григории, для нравственной оценки впечатлений от встреч с Распутиным, полученных как лично, так и заимствованных от третьих лиц. Ещё раз подчеркнём, мнение Столыпина о Распутине стало определяющим для формирования взглядов Белецкого на крестьянина Григория Распутина.

Сам С. П. Белецкий считал себя специалистом в области крестьянской психологии. Но по роду своей профессиональной деятельности Белецкий был, прежде всего и по сути, сыщиком. Перегудова прямо называет Белецкого «специалистом в области политического розыска». Видимо, профессиональные качества наложили отпечаток на внешнее выражение внутренней сущности, поскольку доступное сегодня «литературное наследие» С. П. Белецкого и то, что известно о его деятельности на высоких государственных постах приводит к выводу, что Степан Петрович Белецкий – человек «без лица», его политические приоритеты и нравственные симпатии остаются непонятными по сей день. К чему стремился, чего желал, чем жил в духовном плане, что его вдохновляло, чем был побуждаем, кого любил, за что ненавидел. Это становится понятным, если разобраться, например, позицию Белецкого в деле Бейлиса, он искусно лавировал, принципиальностью здесь не пахнет. Всё же он был служака в том отношении, что прилежно и неукоснительно исполнял свою службу, отличаясь недюжинной работоспособностью, отмеченной современниками.

С. П. Белецкий был арестован Временным правительством Керенского в марте 1917 г., помещён в одиночную камеру Тубецкого бастиона Петропавловской крепости, допрошен ЧСК (Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданского, так военного и морского ведомства). Письменные показания (записки) С. П. Белецкого послужили текстовой основой книги «Григорий Распутин (из записок)», которая была составлена и напечатана в 1923 г. петроградским журналом «Былое». Книга была сразу переиздана (1923 г.) в Берлине в составе сборника И. В. Гессена «Архив русской революции». [235]

Книга «воспоминаний» Белецкого явилась своеобразным итогом его жизни и деятельности – того, что он вынес из своего сердца, плод его труда, реальный, осязаемый результат его усилий на высоких полицейских и государственных постах. Ещё раз подчеркнём, что тексты, вошедшие в состав воспоминаний Белецкого, первоначально были предназначены для Чрезвычайной Следственной Комиссии, как показания, написанные в свободной форме воспоминаний с изложением подробностей и сопроводительными оценками событий и участвовавших в них лиц.

Пространная преамбула поможет многое понять при рассмотрении воспоминаний С. П. Белецкого. Им следует уделить более пристальное внимание в связи с тем, что «разработка» крестьянина Григория Ефимовича Распутина-Нового занимала в профессиональной деятельности Белецкого одно из основных мест, и именно ей посвящены в основном его опубликованные «воспоминания».

Из воспоминаний С. П. Белецкого следует, что им создана «двойственная» система наблюдений за Распутиным, когда охранник одновременно являлся шпионом. В обязанность филлеров, приставленных для охраны, входило ведение «подробного филлерского дневника», как результата их «тщательного наблюдения». Сам Белецкий признаёт, что материал дневников касался не личности Григория Распутина, а его внешней жизни; по этой причине дневник получился «немного односторонний». Это признание очень важно, поскольку раскрывает принцип наблюдения: тенденциозность. Что это означает? А это означает характер подборки и расположения материалов таким образом, что акцент ставился на событиях, которые можно было при горячем желании рассматривать, трактовать и использовать, как компрометирующие, подводящие к неблагоприятному выводу, негативной словесной формулировке, уничижительному сопроводительному комментарию, т. е. всему тому, чем были дополнены первичные наблюдения на следующем уровне обработки информации. Этот уровень назван Белецким «сводкой первичных наблюдений» или «сводными таблицами». На этом этапе, после скрупулёзной редакторской правки, восприятие тенденциозно подобранного материала менялось коренным образом. Задача состояла в том, чтобы намеренно выделить двусмысленные эпизоды, и наполнить их не оправдательным пониманием, а вложить в них грязное наполнение, посеять определённое негативное восприятие, намёком и полунамёком создать скабрезную картину низости помыслов и поступков опустившейся личности. Понимание внутренней мотивации, подлинного смысла поведения Григория Ефимовича и его поступков становится недоступным для читающего дневники полицейского наблюдения.

Но в чьих же руках находилась редакторская правка, кто составлял «сводные таблицы»? Возможно этим занимался он сам – Степан Белецкий. Судя по его письменным показаниям, опубликованным как «воспоминания», по тому с каким упоением и ловкостью он описывал известные ему обстоятельства, касавшиеся не только Григория Распутина, но и многих других известным ему лиц, Степан Петрович, несомненно, обладал ярко выраженной склонностью к литературному творчеству. Не трудно предположить, что редактирование первичных донесений могло доставлять ему известное удовольствие, как писателю-любителю.

Кроме того, его невольные письменные признания, дают основания считать, что у С. П. Белецкого в его литературных упражнениях были не менее способные помощники,

более того, профессиональные литераторы, которые, оказывается, именно работали на Белецкого. Речь идёт о Борисе Дувидзоне (Давидсоне) – репортёре, профессионале, памфлетисте, который, специализируясь на теме дискредитации Григория Распутина, занимался откровенной дезинформацией. Белецкий многое говорит о нём, хотя заметно, что его описание призвано, не столько раскрыть все детали, рассказать, как оно было на самом деле, сколько затушевать картину, отвести подозрения и от себя, и от его сотрудников. Т.е. Белецкий говорит правды ровно настолько, насколько она уже знакома людям. Не отрицая всем известные обстоятельства, Белецкий умело уводит от сути, пытаясь не раскрыть, а скрыть правду. Это можно понять, если внимательно проанализировать его рассказ о репортёре Давидсоне, который приведён в главе XII его воспоминаний. Прочитируем отрывок из этой главы. Белецкий пишет:

«Если мы, понимая значение публичных разоблачений личности и влияния Распутина на высочайших особ, с точки зрения охраны династии, принимали меры сознательно к недопущению выступлений против него в прессе, то покровительствовавшие Распутину лица видели в таких разоблачениях вмешательство в их личную жизнь и стремление опорочить того, кто им был дорог»

Вот пример неподражаемого иезуитства и казуистики в изъяснении простых понятий. То есть Белецкий, препятствуя выходу публикаций против Распутина, действовал так, потому что он понимал и сознательно принимал меры для защиты династии, поэтому он, Белецкий, правильный и хороший. Тогда как те, кого он, по видимому, защищал, и кто также выступал решительно против каких-либо грязных пасквилей о Распутине, си речь, Государь Император Николай и Государыня Императрица Александра, они не понимали, кого и от чего защищали, т.е. действовали бессознательно, в силу чисто личных интересов, рассматривая выступления в прессе, как «вмешательство в их личную жизнь и стремление опорочить того, кто им был дорог». Династия – это одно, и Белецкий вроде как на стороне династии, а Царь с Царицей – это другое, им дела нет до династии, и кроме своих мелких, семейных, личным интересов вместе с шарлатаном Распутиным они ничего не видят и не слышат. Т. е. Белецкий в духе времени, соразмерно революционному моменту немного обмазал грязью Царя с Царицей, выставив себя таким поборником и защитником некоей династии, к которой Венценосные особы, получается, отношения не имели? Белецкий на стороне добра, а Царь с Царицей на стороне зла (то бишь Распутина). Великолепно, неподражаемо, брависсимо! Кого же защищал Белецкий на посту директора Департамента полиции и товарища министра внутренних дел Российской Империи? Но в целом понятно, он не защищал, а выслуживался, также как теперь он выслуживался перед следователями Временного Правительства, стараясь угодить желаниям своих визави: чего изволите услышать? Я всё скажу, и скажу так, как вам надо.

Белецкий:

«До нашего вступления в должность в «Биржевых ведомостях» был помещён ряд корреспонденций о покушении в с. Покровском на жизнь Распутина, организованном Илиодором. По особому распоряжению, следствие велось под наблюдением бывшего министра юстиции Щегловитова, который держал в курсе получаемых им сведений высочайших особ. По вступлении моём в должность, я, до издания общего запрещения писать что-либо о Распутине, обратился к редактору «Биржевых Новостей» М. М.

Гакебушу, которому я впоследствии оказал содействие в перемене им своей фамилии на «Горелова», с просьбой прекратить эти фельетоны».

Белецкий, видимо, имеет ввиду вступление в должность «товарища министра внутренних дел». Это произошло в сентябре 1915 года. Значит всё это время, начиная с момента покушения (июнь 1914 года) в течение целого года «Биржевые Новости» писали пасквилы о Григории Распутине. Сам Белецкий называет эти статьи «фельетонами», тем самым, соглашаясь и подчёркивая, что они по своей сути соответствовали злонамеренной пародии, а по содержанию были вздорным вымыслом, надругательством над достоинством человека.

Белецкий:

«От него я узнал, что материалы для этих статей даёт им сотрудник Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семьёй Распутина, под видом жениха старшей дочери Распутина. Давидсона я знал ещё ранее и помогал ему кое в чём в журнальной работе».

Белецкий, отлично понимая, что никто из членов Чрезвычайной Следственной Комиссии, конечно, не посвящён в тонкости многих эпизодов, известных Белецкому, и не сможет проверить детально информацию, просто нагло врёт. Врёт про то, что Давидсон был женихом Марии (Матрёны) Распутиной. Это следует из её воспоминаний, где она описывает, как накануне отъезда Григория Ефимовича с дочерьми в Покровское Давидсон вдруг начал «обрывать» телефон, навязывая своё знакомство и выпытывая сведения о времени отъезда.

Это, во-первых. А во-вторых, как сотрудник петроградской газеты мог «случайно» оказаться за тридевять земель от Петрограда в Сибирском селе Покровском как раз накануне покушения на Распутина? Конечно, он прибыл туда намеренно, будучи посвящённым в злодейские планы. Чтобы оправдать своё появление в Покровском, он по прибытии сразу пустил слух о том, что является «женихом» Матрёны и вновь стал домогаться знакомства. И это было его единственным «алиби».

Узнав по телефону время отъезда, Дувидсон отправился вслед за Распутиными-Новыми, и ехал с ними на пароходе до Покровского, а в селе Покровском сразу после покушения постучался в дом Распутиных, чтобы узнать, жив ли Распутин или мертв. Из телеграммы исправника Скатова, посланной в день покушения из Покровского в Петербург в Департамент полиции следует, что в этот момент в Покровском «оказался петербургский корреспондент газеты «Курьер» крещёный еврей мещанин Липовца Киевской губернии Вениамин Борисович Дувидзон». Напомним, что начальником Департамента полиции уже являлся С. П. Белецкий, следовательно, он был в курсе всего. Из телеграммы можно понять, что Дувидсон не имел при себе паспорта и удостоверения личности, а также то, что Скатов послал с курьером телеграмму причту церкви Виленского Воспитательного дома с просьбой сделать выписку из церковной метрики, которая подтверждала бы крещение Дувидсона. Исправник Скатов запросил также Петербургское сыскное отделение дать сведения о личности Дувидзона. [236]

Нетрудно догадаться, что целью Давидсона (Дувидзона) было дать сенсационный репортаж с места событий, по горячим следам. Но кто информировал Давидсона заранее? Кто послал его, чьё задание выполнял Давидсон? Ответ на эти вопросы дан в тексте показаний (воспоминаний) Белецкого.

Белецкий пишет:

«Давидсона я знал ещё ранее и помогал ему кое в чём в журнальной работе».

В чём «кое в чём» мог помочь Белецкий Давидсону в журнальной работе? Белецкий к этой сфере деятельности вроде бы не имел отношения. Ответ на поверхности. Давидсон писал по заказу Белецкого. И это единственное, чем мог «помочь» сыщик Белецкий газетчику Давидсону. Он мог дать ему задание, и заплатить ему деньги из специального («секретного») фонда полиции. Что и подтверждает Белецкий в своих показаниях.

Белецкий:

«Так как Давидсон, с которым Распутин и семья его прекратили знакомство после его фельетонов, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсоном старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших газетных его против Распутина выступлений».

Хорош жених, который, добиваясь руки дочери, вымарывал грязью её отца, своего будущего тестя — абсурд. Но Белецкому всё сходит с рук. Ведь это так интересно, интимные подробности из жизни семьи Распутина. Клюковка о Распутине всем нравилась, даже следователям ЧСК. И они проглатывали всё, что плёл им Белецкий, полностью отключив способность критически мыслить.

Белецкий:

«Собрав о Давидсоне ряд сведений последнего времени, дававших мне возможность откровенного с ним разговора, я получил от него при письме желаемого мною содержания его архив, не представлявший никакой ценности, и помог ему, в виду болезни его выдав ему в два приёма 600 рублей из секретного фонда. Печатание фельетонов о Распутине в «Биржевых Ведомостях» было приостановлено, а письмо и полученные мною материалы от Давидсона вполне успокоили и Вырубову и Распутина. Давидсон после моего ухода, не знаю, по каким соображениям, был временно арестован, а потом, как я слышал, перешёл в организацию печати к Гурлянду».

Как интересно изъясняется Белецкий: «письмо желаемого мною содержания». Другого содержания быть не могло, ведь Белецкий мог легко сдать своего агента. Например, Белецкому была известна роль Давидсона в покушении на Распутина. Однако, и Давидсон мог бы кое-что рассказать о своей работе с Белецким. Поэтому Белецкий решил просто от него откупиться и выдал Давидсону 600 рублей откупных из «секретного фонда», чтобы тот замолчал, исчез, и больше никого не раздражал. Но как только Белецкий ушёл с поста начальника Департамента полиции, Давидсон всё же был арестован, впрочем, ненадолго, видимо, связи Белецкого помогли.

Фразу о том, что архив Давидсона «не представлял никакой ценности», Белецкий вплёл в канву своих показаний не без умысла. Ведь следователи могли запросить «архив», чтобы ознакомиться с ним. Вот на этот случай и была сделана оговорка, что архив «не представляет никакой ценности», и конечно, был уничтожен или потерян Белецким.

Открестившись от своего бывшего сотрудника Давидсона, и видимо считая, что сам он теперь чист, Белецкий позволил себе немного приоткрыть истинное лицо газетного мошенника Давидсона. Честные писаки вряд ли взялись выполнять гнусные задания Белецкого. Для этого были нужны как раз Давидсоны. Белецкий пишет:

«После смерти Распутина, Давидсон хотел было поместить в «Биржевых Ведомостях» ряд сенсационных сведений, явившись в редакцию этой газеты с одной молодой особой и называя её дочерью Распутина. Но был разоблачён редактором, г. Бонди, который мне об этом передавал».

Получается, что Давидсон — просто мошенник, авантюрист, в стиле, Шуры Балаганова. Но тогда его подельник Белецкий, продолжая литературные аллегории, ближе по типу к Остапу Бендеру, а оба они — прекрасные образцы «сыновей лейтенанта Шмидта».

Завершает Белецкий свой рассказ о взаимоотношениях с прессой на высокой ноте честного исполнения своего сурового долга:

«Затем, в первые недели моего вступления в должность [*видимо, вице-директора Департамента полиции*], я запретил печатать и приказал уничтожить все материалы по предполагавшейся к изданию в Москве книги, разоблачавшей интимные отношения Распутина к его почитательницам и его радения в бане в с. Покровском». [237]

Речь идёт о нашумевшей брошюре М. Новосёлова, тираж которой был уничтожен полицией в Москве в 1912 году. И здесь Белецкий выгораживает себя, рисуясь благородным рыцарем, который защищая честь Царя и Царицы, вынужден был уничтожить улики, разоблачавшие их друга-обманщика и мошенника. Однако, сделал он это не от себя, а по царскому распоряжению «положить конец разнузданности прессы» в отношении Григория Распутина. На этом моменте Белецкий не ставит акцент, а также не говорит о том, что грязное содержание брошюры было лживым.

Но, подытожим. Будучи завербованным сотрудником Белецкого, Давидсон получал от него гонорар, и отработывал эти деньги, штампуя грязные памфлеты на Распутина в соответствии с заказом и целевой установкой. Отсюда мы вправе сделать следующее заключение. Полагая в основу литературные труды Давидсона (Дувидзона) по редактированию филерских дневников, Белецкий выносит то суждение, которое было угодно ему и его высокопоставленным патронам (или заказчикам): «Сводка филерских наблюдений над жизнью Распутина, в общих чертах, рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся уже тогда его склонности к пьянству и его эротическим похождениям». [238]

Но кто же были заказчики, и были ли они? Из воспоминаний Белецкого следует, что информацией на основе дневников, Белецкий снабжал, во-первых, Вел. князя Николая Николаевича, во-вторых, генерала Богдановича, т.е. ярых врагов Распутина.

Вот, что пишет Белецкий о том, как он удовлетворял интерес Вел. князя Николая Николаевича в отношении Распутина: «В бытность мою сенатором, ко мне, в конце 1914 года, обратился через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца, полковника Балинского, великий князь Николай Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определённо поговорить с Государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь своё желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причём пред уходом великого князя

на Кавказ, с чьих только слов, не знаю, — он утверждал, что великий князь мечтает о короне». [239]

А вот, что пишет Белецкий о своей близости к генералу Богдановичу: «Я в ту пору тяготел к кружку покойного ген. Богдановича, с содержанием писем которого, вызывавших даже к нему одно время немилость и направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени». [240]

Итак, помимо Николая Николаевича, названа фамилия генерала Е. В. Богдановича и дано указание на его «кружок». Этот кружок был составлен из посетителей одного из популярных в Санкт-Петербурге светских салонов, хозяйкой которого была жена генерала Богдановича — А. В. Богданович. Сущность четы Богданович можно выразить так: влиятельные светские сплетники. Их влияние определялось связями и искусством тасовать нужных людей. К завсегдатаям салона Богданович относился, в частности, В. Ф. Джунковский, ну и, конечно, Белецкий, наряду со многими владельцами и редакторами популярных печатных изданий, среди которых издатель газеты «Гражданин» князь В. П. Мещерский, издатель «Нового времени» А. С. Суворин, журналисты М. Н. Катков, Э. Э. Ухтомский, Л. А. Тихомиров. Тесное знакомство с представителями прессы позволяло чете Богданович искусно манипулировать общественным мнением.¹

Известен дневник генеральши Богданович, написанный языком сплетен и примечательный яркой антираспутинской направленностью. Выясняется, что материал для дневника, как и для писем против Распутина самого генерала Богдановича, предоставлял Белецкий на основе филерских дневников.

Материалами Белецкого, хотя и в виде устного доклада, пользовался и председатель Совета Министров и одновременно министр финансов Коковцов, являвшийся противником Распутина, и также пытавшийся воздействовать на Государя. Белецкий пишет: «Председатель совета министром В. Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутина, и я ему о нём докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влиянию путём доклада о нём Государю, о чём я слышал не только от самого В. Н. Коковцова, но и потом от А. А. Макарова, но не знаю, докладывал ли он». [241]

Получается, что существовал круг заинтересованных лиц, которые целенаправленно действовали против Распутина. Конечно, этот круг не ограничивался только лицами, перечисленными Белецким: Вел. князь Николай Николаевича, генерал Богданович, Коковцов. Конечно, он был гораздо шире. Трудно сказать, кто был вдохновителем, вряд ли это был именно Белецкий. Мощная фигура Николая Николаевича не нуждалась во внешнем подогреве. Он сам являлся генератором мыслей, мнений и настроений. Белецкий служил исполнителем, исполняя очень важную, но второстепенную роль по отношению к своим более значимым покровителям. В руках Белецкого был сыскной аппарат, которым он умело управлял. Этот аппарат производил ту продукцию, черты и свойства которой определялись Белецким по заказу влиятельных лиц, с которыми Белецкий был в единомыслии, хотя и занимал подчинённое и зависимое от них положение.

Из всего сказанного следует вывод, что дневники наружного наблюдения исходно служили не материалом для объективного расследования, а имели своей целью

¹ Леонов М.М. А.В. Богданович и её салон. Научные Ведомости. № 15(70), 2009

предоставление компрометирующих сведений. Таким образом, узконаправленный смысл применения дневников, перепрофилирует, возможно, исходно и правильно поставленную задачу наблюдения, в задачу сбора компромата в соответствии с заказом. Таким образом дневники становятся орудием дискредитации Григория Распутина. Это орудие было разработано и создано Белецким, это его детище.

Как работало это орудие? Белецкий – великолепная аналитическая машина, отлаженная до совершенства, действующая в высшей степени без ошибок, но по чужой программе. Что-то вроде робота. При этом его аналитическая «проникающая» способность, касалась внешних признаков и внешних событий, но совершенно чужда была внутреннему миру человека, куда проникнуть он был не в состоянии. Епископа Варнаву он смог оценить также исключительно по внешним качествам, которыми был наделён от природы владыка. Внешние качества были весьма приятными для Белецкого, отсюда и оценка следовала вполне радужная и благозвучная. Епископу Варнаве в этом отношении повезло. Однако, внутренний мир человека оценивался только по меркам староверческого начётничества, о чём вскользь сам упоминает Белецкий.

Именно поэтому, Белецкий так проникся к князю Андронникову. Князь Андронников, что следует из воспоминаний Белецкого, предлагал себя в качестве посредника в разных делах, и был в этом отношении удобным человеком. Андронников был, безусловно, умным, проницательным, но не имел веса, а все дела, где он выступал лишь проводником, князь Андронников относил к себе. Он был вхож в те сферы, куда простому человеку без положения вход был заказан. Главное, он сумел создать о себе мнение нужного, полезного во всех отношениях человека, что называется своего, и умело поддерживал этот имидж. Поскольку Андронников был всегда кстати, ненавязчиво умным, полезным и деловым, его никто не отвергал и не закрывал перед ним двери, до тех пор, пока его банально не отстранили чиновничьих обязанностей при министерстве внутренних дел, а затем вывели из состава служащих при Святейшем Синоде. У князя все внешнее было хорошо организовано при том, что, как уже было сказано, он ничего из себя не представлял, в плане действительного политического деятеля Андронников был пуст. Но Белецкому трудно было это понять и увидеть. В дальнейшем Андронникову удалось довольно удачно манипулировать Белецким, подчинив его своей программе. По той же самой причине: нелады с внешней формой, Белецкий раскусил Хвостова. В отличие от Андронникова у Хвостова внешняя фабула его поведения оказалась сбивчивой и противоречивой, что вызвало недоумение Белецкого, и в конечном счёте, оттолкнуло его от Хвостова.

В отношении Распутина он действовал сначала по программе Столыпина. Затем был переформатирован и загружен на программу Вел. князя Николая Николаевича, генерала Богдановича, председателя Коковцова, что, впрочем, мало отличалось от столыпинских установок. Внутренняя оценка Распутина была заимствована из Тобольского дела, писаний Илиодора и Новосёлова, а внешняя оценка воспринималась и подгонялась по лекалам внутренней. Внутренняя установка работала ещё со времён Столыпина: Распутин — хлыст, проходимец, вор, развратник и пьяница. А раз Распутин – хлыст и проч., значит всё, что он делал, воспринималось, как дела хлыста и проч. Доказательству этого постулата служили дневники наружного наблюдения, а также оценка всего того внешнего, что окружало Григория Распутина, вплоть до дивана в его

кабинете. Базой для диванной темы служили не факты, а слухи, сплетни, двусмысленные донесения агентов, которые по сути подыгрывали своему шефу. Таким образом, в голове Белецкого сформировалась виртуальная картина пёстрой, ужасной и беспорядочной жизни Распутина.

Этой «ужасной, беспорядочной жизни» Распутина целиком посвящена глава III воспоминаний Белецкого. Белецкий пишет: «Но, наблюдая за Распутиным с 1912 г. с некоторыми перерывами, я лично пришёл к следующим о нём выводам.» [242]

К каким же выводам пришёл Белецкий за 5 лет наблюдений. Попробуем внимательно рассмотреть его выводы и понять, есть ли в них что-либо заслуживающее серьёзного отношения.

Белецкий: «Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина». [243]

Браво! Похоже, что этот вывод сделан самостоятельно, как результат непосредственного общения с Григорием Ефимовичем. Характеристика Белецкого, безусловно, заслуживает внимания! Такое признание, учитывая настрой Белецкого, делает ему честь, всё же в той области, очерченной понятиями повседневной человеческой заботы, злобы дня, решения жизненных вопросов, каждодневной суетой о прокорме, устройстве быта, карьеры, достижения жизненной выгоды и пользы — ориентируясь свободно в этих понятиях, Белецкий сделал правильное заключение из своих наблюдений. Григорий Ефимович, как представитель своего сословия, прочувствовал эту сторону жизни своим горбом. Он был выдающимся представителем крестьянской среды, и всё, что отличало настоящего хозяина-собственника: и природный ум, и смекалка, практичность, умение увидеть свою выгоду, пользу и знать, как их достичь — всё это было свойственно старцу Григорию, воспитано с малых лет, впитано с молоком матери. Но, став на твёрдое основание, связанное с практической стороной жизни русского крестьянина, Белецкий попытался подпрыгнуть повыше, чтобы достичь высших сфер и постичь внутренний идеал человека, но неуклюже плюхнулся на землю, и свёл свою неудачу к приземлённому принципу улучшения жизненных условий.

Белецкий:

«В обстановке обихода своей крестьянской семьи Распутин этой возможности не видел, тем более, что тяжёлый и упорный труд земледельца его, привыкшего с ранних лет к праздношатанию по монастырям, к себе не привлекал». [244]

Вот оказывается в чём заключался идеал духовного пути «опытного странника», «странника одухотворённого», «Божьего человека», старца Григория, поставившего во главу угла своего желание понять и опытно познать мудрость, заключённую в двух словах: как бы спастись. Не как плоть свою упокоить, а как душу свою спасти. Такая постанова вопроса чужда Белецкому. И он уводит решение вопроса о жизненном идеале Григория Распутина в сторону приземлённых желаний достижения своей выгоды, материального, плотского, денежного благополучия, власти, высокого положения в обществе, обеспеченности, человеческой славы и признания.

Дальнейшее развитие мысли у Белецкого приобретает характер полного сумбура и смешения понятий: «праздношатание по монастырям с ранних лет» — так характеризует Белецкий благочестивое стремление простых людей к посещению святых мест, к жажде духовного утешения, и желанию подняться горё. Оказывается, это всего лишь способ избежать «тяжёлого и упорного труда земледельца», чем и обнаруживает Белецкий

полное непонимание крестьянской души и крестьянской психологии, где наряду с верой в Бога, земледельческий труд, рассматривался испокон века, как существо и смысл бытия. Возможность возделывать свою землю и вести хозяйство являлось, с точки зрения землепашца, жизненным призванием, оправданием своего существования, источником радости, утешения, надежд, наконец, прочным основанием своего достатка и крестьянского счастья. Невозможно противопоставить крестьянский быт и православную веру. Одно питало и вдохновляло другое. Противоречия Белецкого надуманы, а противопоставления искусственны. Вот такую бездну непонимания обнаруживает «специалист» по крестьянскому вопросу, каким считал себя Белецкий, поскольку начал свою служебную карьеру с изучения «крестьянского вопроса», с постижения нужд и упований русского земледельца.

Изображая характер Распутина, Белецкий вынужден упражняться в словесной и интеллектуальной эквилибристике, пытаясь витиеватостью умозрительных построений объяснить простые, совершенно понятные свойства человека верующего, сердца которого коснулась Божественная благодать. Не будучи способным логически постичь ту часть человеческого духа, которая принадлежит области веры и Божественного озарения, Белецкий вынужден использовать весь арсенал психологических терминов, изоцряясь в умственно-литературных приёмах, чтобы доказать приземлённость внутренних побуждений горячо верующего русского человека.

Белецкий пишет:

«Поэтому Распутин пошёл по пути своих склонностей, которые в нём развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приноровленное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нём любознательность и критику, выработало в нём чутьё физиономиста, умевшего распознать слабости и особенности человеческой природы и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который растворял перед ним страдающую женскую душу. Сильно чувствуя в себе с юных лет человека с большим уклоном к болезненно-порочным наклонностям своей природы, Распутин ясно отдавал себе отчёт в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, в скорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому он решил пойти в сторону, наиболее его лично удовлетворяющую – в тот мир видимых святош, странников и юродивых, который он изучил с ранних лет в совершенстве».

Проявляя чудеса физиогномики и психоанализа, Белецкий не желает увидеть самую простую вещь. Старец Григорий не поступил в монастырь не потому, что следовал своим порочным наклонностям, но потому, что Григорий Ефимович был женатым человеком, имевшим семью и детей, которых не только христианский закон и совесть, но и самое обыкновенное чувство любви к родным, близким, дорогим тебе людям обязывало вырастить, накормить, научить уму-разуму, дать какое-никакое образование, подготовить их для самостоятельной жизни. Как всё это мог выполнить Григорий Ефимович, если бы поступил в монастырь? Но старец Григорий не бросил семью, не оставил своего крестьянского «обихода», как пишет Белецкий, но помогал и детям, и жене, одевал, кормил, обеспечивал, вёл хозяйство, сам пахал, сеял, убирал урожай. И всё это не в ущерб своему духовному призванию!

Неспособность или нежелание замечать простых вещей великим психологом Белецким уличает его в лукавстве и двоедушии, в передергивании фактов, событий и

обстоятельств, т.е. в духовном и психологическом жульничестве. Этот приём, возможно и бывший исходно профессиональной уловкой, превратился в неотъемлемую часть души Белецкого. Став на эту стезю, он уже не может остановиться, и как искусный цирковой трюкач, факир-фокусник или, скорее, уличный пройдоха-напёрсточник или опытный жулик, передёргивая факты, откровенно обманывая людей, Белецкий достигает заоблачных высот в своём стремлении исказить нравственный портрет Григория Распутина.

«Очутившись в этой среде, — продолжает Белецкий, — в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже, как «Гриша провидец», ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и лицемером и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту актёром, возбуждая в себе [к себе? — Ю.Р.] любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью». [245]

Почему «граничит почти с прозорливостью»? Это и есть прозорливость, Только Белецкий не хочет этого признать. Но прозорливость – это не есть психологический анализ по Фрейду или по Белецкому, это данное свыше чувство, от Бога, а не от дьявола.

Белецкий подгоняет свою характеристику, данную Распутину, под общепринятый шаблон, впрочем, не особо утруждая свою совесть, поскольку уже давно, как послушный исполнитель, следовал установке-программе, выработанной другими. Познакомившись с Распутиным, он имел возможность самостоятельно разобраться где правда, где ложь, но Белецкий предпочёл не менять своей позиции. Она была удобна, поскольку не противоречила мнению влиятельного большинства. Отсюда следует, что Белецкий сознательно сделал свой нравственный выбор в отношении Распутина, став на сторону Вел. князя Николая Николаевича и его влиятельного окружения, а затем подыграв следствию Временного правительства. Вы хотите это услышать, так я напишу так, как вы хотите. Это было его, Белецкого, кредо, принцип жизни, и он следовал ему неукоснительно. Собственно, его знакомство с Распутиным и установившиеся с ним добрые отношения были следствием его жизненной и профессиональной позиции — следовать в фарватере линейных кораблей, флагманским курсом. Белецкий считал, что Распутин набрал силу, приобрёл политический вес, и с его влиянием лучше считаться, чтобы не нажить себе врага. Точно также и с князем Андронниковым. Белецкий поддерживал с ним дружбу, считая его влиятельным человеком, способным при желании навредить карьере, и поэтому с Андронниковым лучше было не ссориться и быть в добрых отношениях. Также и с Распутиным. Белецкий нисколько его не уважал, скорее, боялся. Всё его, Белецкого, добродушие и покладистость оказались лицемерием. И при первой возможности, Белецкий вытер о Распутина ноги.

Взяв на вооружение стиль перечёркивания, зачёркивания и ретуширования, Белецкий, излагает историю появления старца Григория в Санкт-Петербурге, изображая рост его популярности и «влияния в высших сферах» всё теми же ядовитыми красками. Но никакого особо хитрого «метода влияния» у Григория Ефимовича не было, кроме его горячей веры и удивительных способностей. Какие же это способности? Это те способности, которые свойственны только тем людям, которых православный верующий человек называет избранниками Божьими. Но одно дело назвать, другое дело соответствовать высокому званию. И в этом соответствии и был весь секрет старца в миру

Григория Ефимовича Распутина-Нового. По его горячей вере и молитве совершались чудеса исцеления и прозорливости. Прозорливость — это не психоанализ, это то, что мы называем откровением Божиим, а мирские люди используют термин «ясновидение». Но Белецкому не дано было этого понять. Поэтому он подвергает сомнению описанный им факт исцеления по молитве старца Григория Анны Александровны Вырубовой, попавшей в железнодорожную катастрофу в январе 1915 года и находившуюся при смерти. Однако, факты упрямая вещь. А событие, связанное с чудесным исцелением в присутствии многих свидетелей, включая недоброжелателей Григория Распутина — это не слухи-сплетни о банях или потёртом диване, и не филерские донесения, которые нельзя проверить — это реальность. Передавая канву событий, связанных с участием Григория Ефимовича в момент тяжёлого ранения А. А. Вырубовой, Белецкий одной заключительной фразой как бы перечёркивает возможность произошедшего чуда, сказав, что вся картина событий изложена со слов Распутина: «Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал; проверить правдивость его мне не удалось, так как с княжной Гедройц я не был знаком, и мне не представилось ни разу случая с нею встретиться, чтобы расспросить её о подробностях этой сцены и о том, не совпал ли этот момент посещения Распутиным А.А. Вырубовой с фазой кризиса в болезненном состоянии г-жи Вырубовой, когда голос близкого ей человека, с которым она душевно сроднилась, ускорил конец бредовых её явлений и вывел её из забвения». [246]

Вот то-то и странно, что Белецкий не смог проверить достоверность тех обстоятельств крушения, которые сам же и изложил. А изложил потому, что начальнику департамента полиции стыдно было не знать того, что было известно всем. Он не был знаком с хирургом Гедройц, зато он был прекрасно знаком с Анной Александровной, и при желании мог всё узнать из первых уст, от потерпевшей. К счастью Анна Александровна позаботилась о том, о чём не стал беспокоиться Белецкий, и в своих воспоминаниях «Страницы моей жизни» передала подробно рассказала обо всём, что произошло с ней 2 января 1915 г.: и о моменте крушения, и о своём состоянии, и о том, как она умирала на коленях солдата, прикрывшего её шинелью, как проваливалась в забвение и уже переставала ощущать боль и холод, как пришла доктор Гедройц и велела оставить её, как безнадёжную, чтобы уделить внимание другим раненым, и о том, как пришёл Григорий Ефимович, и о том, как она выжила, вопреки «прогнозам» Гедройц, но осталась калекой, как и предсказал старец Григорий в момент посещения умирающей Анны: «Она выживет, но останется калекой».

Ещё одно качество старца Григория — умение утешить, успокоить, побеждать малодушие и маловерие, вселить уверенность в благость и милосердие Божие, направить человека на спасительный путь к храму Божьему, рассеять сомнения и возжечь любовь к Святой Матери-Церкви. И помогал он не только словом, но и делом, умея, например, перераспределять денежные средства между их имущими и в них остро нуждающимися. Если бы этих замечательных свойств у старца Григория не было, мираж его почитания быстро бы рассеялся.

Про рождение Наследника Белецкий ошибся. Григорий Распутин появился в Царском дворце в 1905 году, когда Царевичу Алексею уже исполнился год и впервые обнаружили признаки гемофилии. И именно в это время старец Григорий проявил свою удивительную, необъяснимую способность останавливать приступы неизлечимого недуга, чему стала свидетельницей Великая княгиня Ольга Николаевна, и что вынуждены были

признать лечащие врачи. Это тоже факт, о котором всезнающий и всеведующий Белецкий почему-то умалчивает.

Отношения старца Григория с Царём Николаем и Царицей Александрой изложены Белецким в том же духе. Белецкий и здесь не переставал пакостить, подвергая сомнению искренность и духовную основу этих отношений. Такая уж пакостная натура.

Тем не менее, Белецкий вынужден был признать, что «А. А. Вырубова, по натуре своей, была очень религиозна», а также то, что она в Григории Ефимовиче «находила твёрдую опору в своих душевных стремлениях». Что значит это признание Белецкого? Это значит, что Белецкий невольно признал за Распутиным его духовную направленность и духовную силу, если он являлся опорой для его почитательниц в их духовных устремлениях. По признанию Анны Александровны, Григорий Ефимович помог ей укрепиться в вере, прийти к Богу не формально, а всей душой, всей крепостью своею, и впоследствии принять монашеский постриг с именем Марии в Смоленском скиту Валаамского монастыря. А теперь хотелось бы привести в пример тех проходимцев и шарлатанов, которые помогали бы своим жертвам прийти к Богу и стать святыми. Таких примеров нет, по слову Апостольскому: «Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» (2Кор.6:14-17).

Даже трагическую смерть старца Григория Белецкий пытается использовать для его очернения, мол, почему не предсказал, не предрёк, мол, почитательницы, и Вырубова, и Головины, расстроились и усомнились в его прозорливости. Однако, снова исторический факт: письмо, написанное Государю за несколько дней до своей праведной кончины, в котором старец Григорий не только предупредил о своей смерти, но уже принял её, т.е. смирился внутренне и обращался к Государю, как бы будучи уже мёртвым. Подлинность письма подтверждена корнетом С. В. Марковым, который собственноручно получил его из рук Государыни в Тобольске, переписал и опубликовал текст в своей книге воспоминаний «Забывтая Царская Семья». Независимо от Маркова содержание письма было передано дочерью Распутина Матрёной Григорьевной Соловьёвой (Марией Распутиной) в книге воспоминаний, вышедшей в России под названием «Распутин. Почему?».

С нескрываемым ехидством заканчивает Белецкий ту часть характеристики Распутина, которая относится к его отношениям с Анной Вырубовой:

«Приобретя в лице А. А. Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, Распутин дерзко перешагнул черту заповедного ранее для него другого мира, укрепился в новой своей позиции и из Гриши превратился в отца Григория для своих почитательниц и всемогущего Григория Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству». [247]

Отсюда следует, что для Белецкого старец Григорий как раз и являлся не отцом Григорием, а всемогущим Григорием Ефимовичем, к которому он прибегал за «влиятельной поддержкой». Трудно скрыть подлинное отношение Белецкого, далёкое от объективности. Но откуда взяться объективности, когда Белецким двигали, прежде всего, корысть, а также страх перед «всемогущим» Распутиным, боязнь споткнуться о Распутина в своей служебной картине. По одному объёму негатива, который накопил Белецкий по отношению к Распутину, можно судить, с каким облегчением встретил он весть о его убийстве. На радостях Белецкий в 1917 г., сидя в Трубецком бастионе, настроил целый

роман из своих показаний, где он от души попинал своего некогда благодетеля, так что хватило на полноценный том воспоминаний.

Роль Анны Вырубовой в изображении Белецкого совершенно надумана и не соответствует истинным мотивам поступков и действий этой замечательной женщины, ближайшей подруги Государыни Императрицы Александры Феодоровны, до конца преданной Царской Семье, которую очень любили и Царь, и Царица, и все Царские дети. Белецкий искажил её облик и извратил суть её отношений и к Царской Семье, и к старцу Григорию.

Для того, чтобы избежать обвинений в необъективности, тенденциозности и беспредметности, приведём ту часть из показаний (воспоминаний) Белецкого, где он продолжает откровенно и целенаправленно извращать духовный мир Григория Ефимовича Распутина-Нового, предлагая читателю искажённую до совершенной неузнаваемости картину.

Белецкий:

«В дополнение обрисовки личности Распутина считаю необходимым передать вынесенный мною из разговора с ним и наблюдения за ним свои впечатления относительно религиозной стороны его духовной структуры. Этот вопрос останавливал на себе моё внимание ещё в бытность мою директором департамента полиции. Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненным является тот вывод, что Распутин был сектант, причём из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине».

Прервём цитату. Уровень использования шулерских приёмов Белецким просто зашкаливает. Белецкий ведёт речь о деле Тобольской духовной консистории о принадлежности крестьянина Г. Е. Распутина-Нового к секте хлыстов. Дело было начато в 1907 году по доносу. Для расследования были посланы помимо полицейских чинов, учинивших обыск, противораскольнический миссионер протоиерей Глуховцев. Обыски и дознание были проведены в 1908 г. С того момента дело застопорилось не потому, что его искусственно остановили, но потому что не было получено никаких улик, доказывавших выдвинутое обвинение. В 1912 году на Тобольскую кафедру был возведён епископ Алексей Молчанов. Он распорядился продолжить рассмотрение дела, что и было исполнено. Но так как ничего нового, чтобы подтверждало выдвинутое обвинение, обнаружено не было, дело было прекращено с вынесением оправдательного для Григория Ефимовича вердикта, который звучал примерно так: крестьянин Григорий Ефимович Распутин-Новый является благочестивых православным христианином, взыскующим Царствия Божьего. Не зная об этом Белецкий не мог, но он решил переиначить официальный вывод и самостоятельно вынести приговор по тому вопросу, в котором был абсолютно не компетентен. Более того, Белецкий был далёк от рассматриваемой темы по одной простой причине: он был неверующим человеком, как и многие его современники, которые относились к Церковной жизни только с её обрядовой стороны, давно потеряв живое чувство веры в Бога. Чтобы это понять достаточно ознакомиться с его письменными показаниями (воспоминаниями). Заниматься церковными вопросами его побуждал долг службы и только в связи с личностью Г. Е. Распутина-Нового.

Из Тобольского дела вытекает, как раз обратный вывод, что крестьянин Григорий Распутин-Новый был представителем той части русского крестьянства, которая сохранила горячую веру в Бога, которая соблюдала посты и сохраняла все обычаи «обрядовой»

стороны (выражение Белецкого) церковной жизни. Но Григорий Распутин не ограничивался только этим, и шёл гораздо дальше своих современников в ревностном служении Богу и Его Святой Церкви, как об этом подробно написано в главе «Верный сын Матери-Церкви».

Но продолжим цитату из его воспоминаний (показаний) Белецкого:

«Переписка эта своего дальнейшего развития не получила, и только повлекла за собой перемену причта и назначение взамен его нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и считало Распутина преданным церкви, вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма, благодаря щедрым милостям не только его почитательниц, но и дарам Августейшей семьи». [248]

Не добавлю ничего нового для благочестивого читателя, если назову вещи своими именами. Перечисленные Белецким дела Распутина (преступления Распутина?) называются меценатством и ктиторством, которые подразумевают пожертвования на храм, заботу о благолепии храма, материальную помощь духовенству — следствие проявления любви к Божьей Церкви и православному духовенству, то, что всегда отличало русских православных людей разных сословий, особенно состоятельного купечества, аристократии, дворянства. В чём здесь вина старца Григория? Что преступного и хлыстовского узрел Белецкий? Вновь шулерство и словоблудие.

Но каков же вывод вынужден сделать Белецкий. А вывод следующий:

«Таким образом, официально установить, путём соответствующего расследования, на основании фактических и к тому проверенных данных, несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось, тем более, что Распутин после этого случая [*не понятно, к какому случаю привязывает Белецкий эту фразу — Ю.Р.*] был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц [*Что за чушь! В какую интимную обстановку должен был вводить односельчан Григорий Ефимович? Намёк сделан на развратные действия. Но не имея ничего конкретного, делать такие намёки — обычный подлый поклёп*] и филерное наблюдение к себе не приближал». [249]

Повторим ещё раз слова Белецкого: «Таким образом, официально установить, путём соответствующего расследования, на основании фактических и к тому проверенных данных, несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось». — С чем и поздравляем г-на Белецкого. Будем считать, что это официальный вывод его ведомства. В результате гора родила мышь. Иначе говоря, из гор обвинений против старца Григория образовалась пустота, вакуум, всё рассыпалось в прах. Остались только примеры добрых дел во славу Бога, Царя и Отечества!

«В виду этого, — продолжает Белецкий, — я принуждён был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина [*А почему этим фактом пренебрегает Белецкий? Почему он не спросит местные сельские власти о крестьянине Григории Ефимовиче Распутине-Новом, почему он не снимет показания у односельчан? Почему он отмечает, сбрасывает со счетов примеры положительного к Распутину отношения? Почему не выясняет причину этого расположения?*], поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента, которые он, вследствие дружбы Распутина с местным начальством почтово-телеграфного отделения, посылал окружным путём, для меня было очевидным уклонение

Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям». [250]

Прервём цитату. Изложение Белецким сути своих претензий разительно отличается, например, от рапорта противораскольнического миссионера протоиерея Глуховцева. У Глуховцева любым выводам предшествуют примеры по существу, тогда, как Белецкий исключает всякую конкретику, ограничиваясь намёками с последующим обвинительным заключением. Отсюда следует, что за утверждениями Белецкого ничего не стоит, а если это так, то его многозначительные, но голословные письменные заявления являются обычным поклёпом, очередной фабрикацией новых пустых обвинений.

Белецкий продолжает:

«Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции, и особым благорасположением к себе Распутина, я должен был, с уходом полковника Коттена из службы по корпусу жандармов, немедленно, во избежание провала, отозвать из Покровского, а затем и я сам вскорости ушёл из Департамента полиции». [251]

Ну вот наконец то добрались и до конкретики. Оказывается, всех наблюдателей как магнитом притягивала сельская баня, что ж там такое делается? Это повелось ещё с Глуховцева, о чём мы уже писали. Последователи Глуховцева, включая Белецкого, ухватившись за оригинальную ход мысли Глуховцева, пытались проникнуть взором через бревенчатую стенку бани, что им, как признаётся Белецкий, так и не удалось в силу разных обстоятельств. Но тема была слишком болезненной и будоражащей воображение, и отвязаться от навязчивой идеи хлыстовских радений и банных дурманящих миражей никто из дотошных исследователей так и не смог: ни Илиодор, ни Новосёлов, ни, вот, теперь Белецкий.

Белецкий:

«Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя причислял.; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной православной казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору вел. кн. Николаю Николаевичу на основании точно проверенных данных». [252]

Ну, хватит, г-н Белецкий, стоп! Далее по пунктам.

1. *«Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя причислял».* — В чём это выражалось, неповиновение Церкви? Он не посещал православные храмы, не соблюдал постов, не уважал батюшек? Но сам же Белецкий пишет, что Распутин соблюдал всю «обрядовую» сторону православия. И батюшки, и иерархи его уважали, кроме тех, кто поверил басням Белецкого, Новосёлова, Гучкова,

Илиодора. Значит, богослужения в православных храмах Григорий Ефимович посещал исправно, исповедовался и причащался, как и положено православному христианину, участвовал во всех других таинствах Церкви, был крещён в Православной вере, венчан по православному обряду, все посты соблюдал неукоснительно, щедро жертвовал на Церковь, за что и был награждён епархиальным начальством, ратовал за прославление мощей свят. Иоанна Тобольского (Максимовича) и т. д. В чём же неповиновение? В тексте показаний Белецкого ответа на этот вопрос нет. Зато есть огульные обвинения!

2. *«вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной православной казуистики»*. — Вот это пассаж! Белецкий, увлечшись, не заметил, как переступил границы уже тогда злободневной темы обновления церковной жизни. Интересно было бы узнать поподробнее предмет тех вопросов, которых касался г. Папков, и что именно не понравилось ему в реакции Распутина на свои идеи. Но не сложно понять, что старец Григорий стоял за традиционное, ортодоксальное, выраженное догматическим учением и церковными канонами православие, и если церковная жизнь и нуждалась в улучшении, то не в обновлении, а в возвращении в свои традиционные границы, в которых церковными канонами было закреплена вся полнота церковного учения и церковной жизни, ведущей ко спасению души, на чём и стоял старец Григорий. Но его исповедание Православной веры и традиционных форм православной жизни Белецкий назвал «дебрями церковной православной казуистики»! Хотелось бы узнать, какую же форму православия исповедовал сам Степан Белецкий, да и можно ли было эту форму назвать православием?

3. *«православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии»*. — И это ложь и незнание обстоятельств жизни Григория Ефимовича. И авторитеты ценил, и архиереев, и священников уважал, и любил, и помогал. Другое дело, что под влиянием лживых обвинений многие из его духовных друзей, введённые в заблуждение злыми наветами, подмётными письмами, сплетнями и поклёпами, объявляли войну Григорию Распутину, действительно третировали, но не Распутин третировал, а Распутину третировали — всё перевернуто с ног на голову.

4. *«Отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора»*. — То, что Григорий Ефимович вмешивался в церковные дела, означает всего лишь то, что он высказывал своё мнение, когда его об этом просили. В качестве примера можно привести вопрос о почитании Имени Божьего (имяславия), а также вопрос по поводу учреждения в Церкви чина диаконис. Что же касается поставления иерархов на церковные кафедры, то опять же он мог высказаться, пусть даже настойчиво, по тому или иному кандидату, но решение принимал не он. А то, что высказывался — каждый имеет право на защиту. Если Тобольский епископ Антоний Каржавин целью своего пребывания на Тобольской кафедре положил доказать, что Григорий Распутин — хлыст, то справедливо и то, что старец Григорий, много претерпевший от такой позиции правящего архиерея, был бы рад его отстранению, о чём он и говорил открыто. Также и с губернатором Станкевичем, который буквально охотился за Распутиным, чтобы обвинить его и наказать по уголовной статье с ограничением прав и т. д.; но кому же это понравится? Так же и с обер-прокурором Самариним, объявившим Распутину войну. Но можно привести массу противоположных примеров: протоиерей Иоанн Кронштадтский (Сергиев), митрополит Питирим (Окнов), епископ Алексей (Молчанов), архиепископ Варнава (Накропин), митрополит Макарий

(Парвицкий), архиепископ Мелхиседек (Паевский), епископ Исидор (Колоколов), протоиерей Иоанн Восторгов – далеко не полный перечень высокопоставленных духовных друзей старца Григория. Да и к недоброжелателям своим Григорий Ефимович не питал мстительных чувств, как об этом пишет Белецкий. Но более подробно, эта тема развёрнута в главе «Верный сын Матери-Церкви».

5. *«И чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей ...»*. — Это уже откровенная низость, не заслуживающая комментария. Когда старец Григорий молился у постели больного Царевича или рядом с умирающей Анной Вырубовой — это и был, по мнению Белецкого, «момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей»?

6. *«...что мною и было засвидетельствовано в свою пору вел. кн. Николаю Николаевичу на основании точно проверенных данных»*. — Неожиданное признание Белецкого служит обвинением, прежде всего, ему самому, С. П. Белецкому. Становится понятным откуда умы людей черпали сведения о Григории Распутине, кто занимался фабрикацией пакостных доносов и грязных наветов, и кто на самом деле страдал болезненно-порочными наклонностями. Очевидно, что к таковым персонажам, организаторам травли старца Григория, следует причислить Степана Белецкого.

Белецкий завершает характеристику Распутина следующим убийственным пассажем:

«К той общей характеристике, которую я дал Распутину, мне остаётся добавить только несколько штрихов для обрисовки его личности. Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он тем не менее требовал от окружавших его безусловной с ним искренности, и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он стремился затем поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех только случаях, когда это отличало его интересам; в своих домогательствах и в желаниях отличался поразительной настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтали сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы. Присматриваясь к судьбе тех лиц, которые искали в Распутине той или иной поддержки, я видел или печальный исход влияния на них Распутина и всей окружавшей его порочной обстановки, или фатальный для них позор, как последствие сближения их с Распутиным, но не в силу демонизма Распутина, а, главным образом, вследствие свойства тех побуждений, которые толкали их идти к Распутину и заставляли затем поступаться многим, в ущерб своей чести и достоинству, в исполнении желаний или, лучше сказать, требований Распутина». [253]

Это уже не характеристика, а пасквиль, который обличает плохо скрываемую ненависть Белецкого к старцу Григорию. А ненависть плохой помощник в поиске истины. То, что написал Белецкий, характеризует, прежде всего, его самого, Степана Белецкого, заблудившегося в дебрях своих пороков. Выделим главные из них: лицемерие, подлость, двуличность, одержимость гнусным чувством зависти к ближнему своему, карьеризм, который сочетался со страхом за своё служебное положение. Всё это служило источником

безумного ослепления. Судите сами, Белецкий намеренно затушёвывает факты чудесной помощи старца Григория, например, Наследнику Цесаревичу Алексею в его неизлечимой болезни, и выдвигает на первый план свои собственные фантастические измышления о каком-то молитвенном экстазе, возникшим на почве «наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей». Что это, как не потеря способности к здравому рассуждению?! Раньше в просторечии использовали термин «охалпеть». Так вот, Белецкий в своих рассуждениях относительно Григория Распутина просто охалпел, т. е. обезумел.

Отличительной чертой воспоминаний (показаний) Белецкого является беспочвенность. Беспочвенность в данном случае означает голословность. Т. е. умозрительные рассуждения Белецкого не подкреплены конкретикой. Как только появляется указание на определённых лиц или определённые события, так сразу появляется повод предъявить Белецкому обвинения в намеренном искажении существа дела. Например, это относится к описанию ранения А. А. Танеевой (Вырубовой). Описание, как таковое дано верно, но вывод совершенно искажён, поскольку подвергает сомнению достоверность всего сюжета. Остаётся прочесть рассказ самой Анны Александровны, чтобы убедиться в его достоверности, а также в тенденциозности конечного вывода Белецкого и скрытом его намерении исказить правду. И так во всем.

Белецкий постарался вымарать духовный мир старца Григория. Но в этом качестве Белецкий не был оригинален. Все его «наблюдения» в основном строятся на материалах Тобольского дела, по сути, копируя его. После статей и брошюр Новосёлова, а также книг Илиодора Труфанова, описание Белецкого не может служить серьёзным первоисточником, так как является блёклым отражением уже звучавших ранее, и набивших оскомину голословных обвинений, не нашедших подтверждения ни в материалах Тобольского дела, ни в первичных полицейских донесениях, ни в показаниях свидетелей. Слухи, поклёпы, откровенная ложь, скабрзные гаденькие смакования болезненных ощущений неких «очевидцев», кол на колу мочало начинай сначала.

Всё, что написал Белецкий в главе III своих воспоминаний, – свидетельствует лишь о том, что Белецкий совершенно не знал и не понимал Григория Ефимовича, и поэтому не имел никакого морального права писать о нём. С. П. Белецкий ещё раз доказал, что в оценке Распутина он пользовался исключительно внешней меркой, да и то не своей, а заимствованной, да при том искажённой до полного абсурда. Белецкий передаёт то, чего не знает, пишет о том, что не понимает, и не принимает, и не может понять и принять в силу своей духовной ограниченности, по слову апостольскому:

«И слово моё и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все пронизывает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и

возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно. Но духовный судит о всём, а о нём судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов». (1 Кор. 2:14)

Но подведём итог.

Воспоминания Белецкого дают основания считать, что С. П. Белецкий, талантливый сыщик-профессионал, в своей деятельности против Распутина исполнял волю Вел. Князя Николая Николаевича, а также тех высокопоставленных лиц, противников Распутина, которые ставили перед собой задачу избавления Российской Империи от Друга Царской Семьи.

С. П. Белецкий для Григория Ефимовича по сути был шпионом Николая Николаевича, игравшим двойную роль человека, якобы, отвечавшего за организацию охраны старца Григория и одновременно, координировавшего усилия по его дискредитации.

Белецкий относился к Григорию Ефимовичу Распутину-Новому прагматично, как к объекту наблюдения. Внутренний мир сыщика Белецкого исключал эмоциональный аспект и ограничивался понятием целесообразности. Но доведённое до граней совершенства профессиональное качество, полезное для исполнения сыскных задач, делало Белецкого по большому счету совершенно равнодушным и бесчувственным механизмом, роботом, без принципов и моральных установок. Его прагматизм породил двуличность, поскольку Белецкий, поддерживая с Распутиным добрые отношения, поставлял для генерала Богдановича и Вел. князя Николая Николаевича сведения из филерских донесений, порочащих Распутина. Белецкий не мог быть ни другом, ни надёжным товарищем, в нём уживались талант сыщика-профессионала вместе с неразборчивостью, беспринципностью и карьеризмом. Беспринципность в интересах дела привела в свой крайней точке к трансформации личности: полезно то, что выгодно лично для него, Белецкого.

Именно так написаны тексты его показаний, которые впоследствии были опубликованные в виде воспоминаний. Оценки Распутину даны из соображений личной выгоды и конъюнктуры момента исключительно потому, что предназначались для людей, от которых могло зависеть его личное благополучие. В среде этих людей Распутина не чествовали, отсюда, объективности в его оценке от Белецкого не требовалось. От Белецкого требовалось оправдать общепринятую установку на Распутина, что Белецкий и сделал. Отражая фактическую сторону, он умело выставлял старца Григория в том свете, в каком хотели его увидеть следователи ЧСК, а также люди из среды его бывших патронов.

Испытывая страх за свою персону, преследуя личную выгоду, Белецкий превратился в беспринципного карьериста, способного на всякую низость. Бывший начальник Департамента полиции С. П. Белецкий откровенно врал при изложении событий вокруг Григория Ефимовича Распутина-Нового, пытаясь соединить несоединимое и доказать недоказуемое. Белецкий, не смущаясь, использовал изворотливые приёмы, лгал с упоением, совершая подмену реальности сюрреалистическими образами, рождавшимися в его душе по какому-то скрытому побуждению, внутренней потребности, чем-то или кем-то питаемыми. Возможно, что

побудительным мотивом к написанию Белецкого пасквиля о Распутине послужил обычный страх и попытка своей угодливостью перед следственной комиссией спасти своё положение, а возможно, и жизнь, поскольку писал Белецкий, сидя в заточении, в одиночной камере Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Его судьба была в руках Временного правительства и зависела от того, насколько он сможет перед ним выслужиться. А искусством подобострастного служения Степан Белецкий владел в совершенстве. Однако, он не избежал возмездия, и Божий суд уже вскоре совершился над ним. Его расстреляли 23 августа (5 сентября по н.ст.) 1918 г. в подмосковном Петровском парке, неподалёку от того самого ресторана «Яр», где был разыгран спектакль с «пьяным Распутиным». Белецкий был не один. Рядом находились бывшие министры: А. А. Макаров Н. А. Маклаков, А. Н. Хвостов, И. Г. Щегловитов, протоиерей Иоанн Восторгов, епископ Ефрем (Кузнецов), и другие люди, подлежащие расстрелу без суда и следствия в силу объявленного большевиками «красного террора».

Возможно, то, что пережил Степан Петрович после неожиданного объявления о расстреле, помогло ему перед лицом смерти прозреть и раскаяться. По свидетельству Сергея Кобякова — адвоката двух польских ксёндзов Марьяна и Иосифа Лютославских, на Лубянке, куда свезли приговорённых, по предложению протоиерея Иоанна Восторгова, была совершена исповедь: «И этот человек [о. Иоанн Восторгов] перед смертью проявил редкое величие духа. Он предложил всем желающим исповедаться у него. И много людей потянулось к нему за исповедью. В одну кучу смешались всеисильные министры, спекулянты, офицеры и просто мирные обыватели, захваченные большевиками. И у этого человека, который сам должен был умереть через несколько часов, для каждого нашлось слово утешения.»

Вновь над грехом, неправдой, низостью и пороком торжествует великое милосердие и неисчерпаемая любовь Божия к человеку. До самой последней минуты не покидает грешника благодать Божия и каждому оставлена возможность покаяния. Воспользовался ли ею Степан Петрович Белецкий известно только Богу.

Удивительно также и то, что Промысел Божий перед смертью соединил вместе высокопоставленных руководителей министерства внутренних дел: А. А. Макарова, Н. А. Маклакова, А. Н. Хвостова, С. П. Белецкого, а также бывшего министра юстиции И. Г. Щегловитова — всех тех, кто имел отношение к гонениям и организации травли старца Григория, хотя бы уже только в силу своего высокого положения и возможности во всём разобраться, оказать влияние или даже прекратить беззаконие в отношении Григория Ефимовича Распутина-Нового, как о том просили и Царь Николай II, и Царица Александра.

Обстоятельства расстрела известны из воспоминаний Кобякова:

«И Щегловитов, и Белецкий не скрывали от себя ожидавшего их печального исхода процесса. Но Белецкий всё время твердил: «А большевики меня всё-таки не расстреляют. У меня есть цианистый калий, и я приму его после вынесения мне смертного приговора». Эта мысль, по-видимому, сильно поддерживала его дух. <...> Как мне передавали, расстрел Лютославских, бывших министров и других несчастных русских граждан произошёл при следующих обстоятельствах. Утром 5 сентября к помещению, где содержались Лютославские, подъехал автомобиль, и чекисты объявили заключенным, что Чрезвычайная Комиссия требует арестованных на Лубянку для передопроса. Лютославские, Щегловитов, Хвостов и Белецкий были посажены в автомобиль и увезены.

Ничего не подозревавший Белецкий не захватил с собой яда. На Лубянку из всех мест заключения было привезено много народа. Там им было объявлено, что все они сегодня будут расстреляны. Это известие, благодаря своей неожиданности, произвело потрясающее впечатление. Раздались слёзы, послышались истерические крики. Всех обречённых на смерть было более 80 человек. <...> Расстреляли всех в Петровском парке. Казнь была совершена публично. <...> За несколько минут до расстрела, Белецкий бросился бежать, но приклады китайцев вогнали его в смертный круг. После расстрела все казнённые были ограблены. Большевицкая власть в виде поощрения разрешает палачам обирать трупы казнённых». [254]

Несколько по-иному передают подробности газетные источники:

«Сенатор Белецкий стихийно хотел бежать, но, увидев тройную цепь охраны, покорно и понуро опустил голову». [255]

Картину убийства дополняют материалы, собранные протопресвитером Зарубежной Церкви Михаилом Польских:

«Однажды, по окончании копания очередной сплошной могилы-канавы, конвойцы объявили, что на завтрашнее утро (23-го августа 1918 г.) предстоит «важный расстрел» попов и министров. На следующий день дело объяснилось.

Расстрелянными оказались: епископ Ефрем, протоиерей Восторгов, ксендз Лютостанский с братом, быв. министр Внутренних Дел Н. А. Маклаков, председатель Государственного Совета И. Г. Щегловитов, быв. Министр Внутренних Дел А. Н. Хвостов и Сенатор С. П. Белецкий. Прибывших разместили вдоль могилы и лицом к ней...

По просьбе о. Иоанна Восторгова палачи разрешили всем осуждённым помолиться и попрощаться друг с другом. Все встали на колени и полилась горячая молитва несчастных «смертников», после чего все подходили под благословение Преосвященного Ефрема и о. Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошёл к могиле О. Протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву.

«Я готов», заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошёл к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув о. Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам. Белецкий рванулся и быстро отбежал в сторону кустов, шагов 20-30, но, настигнутый двумя пулями, упал и «его приволокли» к могиле, пристрелили и сбросили.» [256]

Ссылки:

232. *Перегудова З.И.* Политический сыск в России (1880-1917) — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 432 с.]

233. *Перегудова З.И.* Белецкий Степан Петрович. // Сайт «Фонд изучения наследия П.А. Столыпина», www.stolypin.ru

234. Там же.

235. *Белецкий С.П.* Григорий Распутин. (Из записок). Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1921-1937. Том 12 (1923 г.) // Пг.: Изд-во «Былое», 1923.

236. *Платонов О.А.* Терновый венец России. Пролог царубийства. Жизнь и смерть Григория Распутина. М: Энциклопедия русской цивилизации, 2001. С. 169.

237. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 48.

238. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 9.

239. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 9.

240. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 8.

241. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 8.

242. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 14.

243. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 14.

244. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 14.

245. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 14-15.

246. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 17.

247. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 19.

248. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 19.

249. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 19.

250. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 19.

251. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 19.

252. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 19-20.

253. *Белецкий С.П.* Ук. соч. С. 20.

254. *Кобяков Сергей.* Красный суд. Впечатления защитника в революционных трибуналах Сергея Кобякова. Русская историческая библиотека. // «Архив русской революции» (И. Гессена), том 7.

255. *Фомин С.В.* А мы вашего папашку зверькам скормили. Русские жертвы «дела Бейлиса». Русский вестник. 08.12.2006 // со ссылкой на: Железняк-Белецкий В. С. Мой отец Степан Петрович. (Из семейных воспоминаний ровестника века) // Сильнее судьбы. Владимир Степанович Железняк-Белецкий. Вологда. 1995. С. 36.]

256. Новые мученики российские. Сост. протопресвитер М. Польский —Holy Trinity monastery (Jordanville, New York). 1949. Т.1.

